

Пролог

Под ногами хрустят опавшие листья. Вокруг него смыкается беспросветная тьма — он существует лишь в узком тоннеле света автомобильных фар. Вдыхает полной грудью. Лес пахнет прелой листвой, сырой землей, чистым студенным воздухом. Пока что все проходит отлично, как он это себе и представлял. Все складывается просто идеально.

Он держит на руках женщину, подхватив ее под колени и за шею. Ее тело все еще свежее, из ножевых ран по-прежнему струится кровь, стекая по его белым пластиковым штанам. Мягкая женская плоть приятно греет озябшие руки.

Секунду он восхищенно смотрит на нее, после чего сгружает в багажник. Она с глухим стуком падает на второе тело, ноги ее свисают через бампер. Он заталкивает их внутрь.

Все получится как надо.

Несколько секунд он смотрит на обеих, а потом склоняется над багажником и отстегивает наручники. Даже в темноте ему хорошо видны тусклые красно-черные отметины у них на запястьях, оставшиеся с той поры, когда их тела еще были способны реагировать на внешние воздействия. Он доволен: это покажет всем, что он сделал.

Опять обходит машину, открывает переднюю пассажирскую дверцу. Подбирает два инструмента, оставленные на коврик перед креслом, вытаскивает один из них из чехла. Клинок из нержавеющей стали ярко отблескивает в полутьме — чистенький, недавно заточенный. Это его любимый — для подобных случаев самое то. Лезвие здесь поменьше, для более тонкой работы, чем у того ножа, которым он обычно убивает.

Он возвращается с обоими инструментами обратно к телам. Останавливается. Смотрит на девушек. До сих пор ему никогда не приходилось проделывать это на открытом пространстве, в темноте. Он не любит спешки. Но ничего не поделаешь.

Нащупывает в темноте руку, наполовину вытягивает одно из тел из багажника. Зажимает его между ногами, вздергивает ему голову, ухватив за волосы. Кровь все еще течет, но он знает, что делает, — это ему ничуть не мешает.

Меняет позу тела, развернув его так, чтобы подобраться к нему с другой стороны. Потом откладывает маленький нож и берет другой инструмент. Тот побольше, поувесистей и ободряюще оттягивает руку. Он делает то, что нужно сделать, и вот, после заключительного проворота и рывка, все готово.

Выпрямившись, он меняет тела местами и проделывает то же самое со второй девушкой. На сей раз управляется быстрее, более технично — все-таки немного натренировался, — после чего отступает от машины и критически оценивает картину в багажнике.

Увы, не идеально. Вздыхает, сокрушаясь, что на сей раз не может окончательно обставить сцену должным образом — порядок явно нарушен по всем статьям, — но он хочет, чтобы их нашли хотя бы в таком виде.

Захлопывает багажник. Ударом каблука разбивает вдребезги задний габаритный фонарь — осколки красного пластика сыплются на землю. Идет ко второй машине, выдергивает из салона наброшенную на сиденья полиэтиленовую накидку, заталкивает ее в мешок, чтобы позже сжечь. Забирается за руль и берется за ключ зажигания. Только бы эта старая рухлядь без проблем завелась! Когда мотор с чиханием оживает и он отъезжает, то оборачивается на оставленный автомобиль. Со стороны и не догадаешься, что там внутри.

Никто и понятия не имеет, какие ужасы еще впереди.

ЧАСТЬ I

День первый

Понедельник

Глава 1

«До чего же меня все задолбало...»

Эта мысль вдруг бесцеремонно проскакивает в голове, отвлекая от происходящего. Она поднимает взгляд на зеркало над раковиной умывальника. На лице у нее не похоть или даже просто желание — лишь скука. Чистая, ничем не разбавленная скука.

Она склоняется над кранами с горячей и холодной водой: прямо перед ней диспенсер с жидким мылом, слева — электрическая сушилка для рук. В зеркале ей видно мужчину у нее за спиной. Тот довольно бесхитростно, без всяких затей трахает ее в общественном туалете районного культурного центра, всего через каких-то пятнадцать минут после того, как они оба забросили своих детей в школу.

Ее трусики спущены до лодыжек, юбка задрана до талии. Он засунул ей руку под лифчик, мнет грудь, словно сырое тесто, а другой вцепился ей в бедро, долбя ее сзади.

Итан? Иван? Да без разницы, думает она. Помнится только, что его сына зовут Хейден. Он сказал, что тот учится в одном классе с Элис, неопределенно ткнув рукой в сторону детишек, беспорядочной гурьбой вбегающих в школу под треск звонка.

Этот мужчина держался в сторонке от толпы юных аппетитных мамаш в тесных спортивных костюмах и нетерпеливо переминающихся с ноги на ногу бизнес-леди, явно

спешащих поскорей двинуть в свои офисы. Короткие каштановые волосы, малость худоват, на ее вкус, но так вполне себе ничего. Без обручального кольца. Это был единственный знак, который ей требовался, чтобы принять решение. Ее собственное колечко — платиновое, пускающее сейчас яркие лучики в резком свете люминесцентных трубок над головой — его, как видно, ничуть не смутило.

Она неловко приседает, когда мужчина судорожно содрогается, испустив сдавленный стон, и наваливается ей на спину. Вывернувшись из-под него, выпрямляется и одергивает юбку, пытаюсь сохранять хоть какое-то подобие приличия.

Он уже повернулся к ней спиной, приводит себя в порядок возле раковины. Бросает скомканный обрывок туалетной бумаги и презерватив в унитаз, спускает воду. Застегивает ремень, после чего открывает дверь и нервно выглядывает в коридор.

— Э-э, Джессика, верно? Ты не хочешь... — начинает он.

— Просто уходи, — перебивает его она. Мужчина тянется к ней губами, чтобы поцеловать, но она резко отстраняется.

— Спасибо, — неловко бормочет он, закрывая дверь.

Она запирает ее за ним, садится на крышку унитаза. Не доверчиво качая головой, натягивает обратно колготки.

«До чего же меня все задолбало...» — мелькает в голове все та же мысль.

* * *

Добравшись до дому, Джесс принимает душ, смывая все следы Итана-Ивана. Наливает себе чашку кофе и выносит ее в сад.

Дождь перестал, и студеной зимний воздух осторожно покусывает кожу даже через одежду. Она садится на краешек одной из бетонных ступенек крыльца, лишь в джем-пере и джинсах, босиком, со все еще сырыми после душа

волосами. Джесс понимает, что не стоит тут засиживаться, но ей нравится, как холодный воздух освежает тело.

Сад у них большой и бестолковый. Трава вымахала чуть ли не по колено, из щелей между плитками дорожки вовсю пробиваются сорняки, кусты — не более чем разномастные пучки голых веток.

Ее муж время от времени отпускает замечания по поводу «всего этого бардака», но она всегда говорит ему, что так ей больше по душе — когда природа идет своей собственной дорогой, не обращая внимания на закон и порядок.

Допив кофе, Джесс опускает взгляд на свои ноги. Кожа побелела, ногти уже попросту синие. Она начинает поеживаться. Самое время вернуться в дом, и она задумывается над тем, чем бы заняться до того, как надо будет ехать забирать Элис из школы.

Некогда Джесс работала, но с постоянными школьными разъездами это был натуральный кошмар. По работе она ничуть не скучает — это была такая же тоска, как и сейчас, — но хоть на что-то можно было отвлечься. Теперь же сосредоточиться абсолютно не на чем. Абсолютно нечем себя занять.

* * *

У школы она нервно оглядывает толпу, но, к счастью, Итана-Ивана нигде не видеть. Джесс держится на самом краю детской площадки, не обращая внимания на болтовню других мамаш, — она терпеть не может изрекаемые ими банальности. Дверь открывается, и из-за нее один за другим начинают появляться дети, подталкиваемые учительницей к своим мамам.

А вот, наконец, и Элис. Тряся выбившимися из-под гребня кудряшками, мчится к Джесс с широченной улыбкой на своей симпатичной мордашке, школьный ранец все еще

кажется слишком массивным по сравнению с ее хрупким тельцем. Джесс заключает ее в объятия, а потом поспешно подталкивает к машине, вполуха слушая ее болтовню о случившемся за день.

За рулем она то и дело поглядывает на дочь в зеркале заднего вида. Просто удивительно, как ей удалось породить такое чудесное, уверенное в себе существо — общительное, раскованное, грациозное, полное энергии. Единственное, что по-настоящему удалось ей в жизни, уныло думает она. Элис без умолку рассказывает про какую-то Джорджию, про Изабель, про Неда... Про каких-то безликих детей, которых Джесс никогда не видела.

— Ну а что Хейден? — бросает она дочери через плечо. Элис мотает головой.

— Не знаю такого, — отзывается она, и Джесс чувствует облегчение. Меньше всего ей надо, чтобы дочь подружилась с этим мальцом, а то и пригласила его к ним домой.

Вот наконец они и дома. Элис сразу кидается к своим игрушкам, а Джесс принимается за приготовление ужина. Сегодня вечером она готовит говядину в красном вине — тщательно шинкует овощи, обжаривает мясо... Слышит, как в дом входит муж и как Элис мчит поздороваться с ним. Едва ли поднимает взгляд от готовки, пока не чувствует, как Патрик прижимается к ней сзади и, целуя в шею, бормочет ей в волосы:

— Вкусно пахнет...

— Я или ужин? — спрашивает она, и он смеется.

Обернувшись, Джесс смотрит, как муж выходит из кухни, на ходу снимая пиджак и стаскивая с шеи галстук. Беспристрастно оглядывает его.

Патрик никогда не отличался стройностью, но в последнее время совсем уж раздался. Воротничок рубашки едва сходится на шее, живот нависает над брючным ремнем.

Джесс вновь поворачивается к плите. Она несправедлива и знает это. Он любящий, отзывчивый, трудолюбивый... Полный набор определений идеального супруга. Следовало бы пользоваться этим на всю катушку, думает она, наливая себе бокал красного вина и отправляя остаток в бутылке на сковородку. Это с *ним* надо бы трахаться в общественных туалетах, а не неизвестно с кем. Может, тогда он не столь стремился бы получать это на стороне...

Джесс отходит от плиты, чтобы приложиться к бокалу, но рука мокрая после возни с мясом и овощами, и тот, выскользнув, разбивается вдребезги об пол.

— Мамочка? — слышит она крик Элис из гостиной.

— Все нормально, просто кое-что уронила. Не входи сюда.

Джесс опускает взгляд и, насупившись, смотрит на острые осколки стекла на плитках, вокруг которых медленно расплывается красная лужа. Один осколок кривится на нее с пола, острый кончик его нацелен в потолок. По-прежнему босиком — с их дорогушим подогреваемым полом ни обувь, ни носки не нужны, — Джесс поднимает правую ногу и заносит ее прямо над осколком. Медленно переносит на нее свой вес. Слышит треск, когда осколок ломается, а потом тоже скорее слышит, чем чувствует, как лопается кожа и стекло вонзается в мягкие ткани.

Хорошо!

Смотрит, как из-под ноги медленно выползает небольшая ярко-красная струйка крови, смешиваясь с более бледной и жидкой лужицей красного вина.

— Джесс! Да что ты, блин, творишь?!

Она чувствует, как руки Патрика обхватывают ее за плечи. Он оттаскивает ее от усыпанной осколками розовой лужи на полу, силой усаживает на стул. Джесс с размаху опускается на него. Патрик смотрит на нее, уперев руки в бока.

— Могла бы сообразить, — говорит он, наклоняясь и осматривая рану. — Блин, — бормочет почти про себя, прищурившись и пытаясь вытащить осколок из передней части ее ступни. — Придется зашивать.

— Я с этим сама разберусь, — говорит она. — Попрошу Нава приехать.

Патрик встает и смотрит на нее. Явно собирается выпалить что-то резкое, но прикусывает язык.

— Мясо я сам доделаю, — только и говорит он.

Джесс поворачивает ступню к себе, чтобы тоже посмотреть. Края пореза ровные и чистые, но сильно разошлись, из образовавшегося «рта» безостановочно сочится кровь. Патрик передает ей рулон бумажных полотенец, и она, кое-как обмотав ногу бумагой, хромотает в ванную. Запирает за собой дверь и садится на закрытую крышку унитаза. Достает из шкафчика аптечку и открывает ее, пристраивает на краю ванны. Это не просто обычный домашний набор первой помощи: здесь целый набор разнообразных бинтов, марли, пластырей — все, что может понадобиться в подобной ситуации.

Джесс опять осматривает подошву ступни, после чего принимается за дело — стягивает края пореза вместе, промокает кожу вокруг раны и, как может, залепляет ее бактерицидными пластырями. Но кровь все равно просачивается наружу. Патрик прав — надо зашивать. Она достает телефон и отправляет эсэмэску. Сразу же приходит ответ.

«Я на работе, Джесс, в ночную смену. Обратись в обычную травму, как все нормальные люди».

«А я не нормальный человек, Нав, сам знаешь, — отвечает она. — Ладно, не к спеху. Когда можешь появиться самое раннее?»

На экране появляются три плавающие точки — он набирает ответ. Потом пауза. Джесс знает, что уже злоупотребляет их дружбой, но мысль об очередном травмпункте при

каком-нибудь «центре доверия» ей совершенно невыносима. Все те же вопросы, вновь и вновь. Все те же взгляды, те же подозрения...

Телефон коротко звякает.

«Ладно. Завтра с утра. Я заканчиваю в больнице в 8».

И тут же продолжение: «Я не могу постоянно этим заниматься».

Вздохнув, она откладывает мобильник, заматывает ногу бинтом, как получается. Надевает носки — нужно скрыть рану от дочери.

Когда Джесс возвращается в кухню, Патрик с Элис уже сидят за столом. Патрик начинает подавать ужин. Уже не впервые она теряется в догадках, что это вдруг на нее нашло.

* * *

За ужином Элис рассказывает им, как прошел день в школе. Слова налезают друг на друга, рассказ выходит довольно бестолковый и бессвязный, но они внимательно слушают — терпеливые родители пятилетнего ребенка. Пока Элис тархтит без остановки, Патрик задает ей вопросы в нужных местах — дочь, похоже, не замечает, что между ее родителями в очередной раз пробежала кошка.

Джесс наполняет ей ванну, потом укладывает спать. Читает ей сказку. Семейная идиллия. Элис умищается под своим одеялком, и Джесс целует и обнимает ее. От малышки пахнет шампунем, теплом и невинностью, и она чувствует, как грудь ее переполняет любовь. Благодарит судьбу — неизвестно, в который уже раз, — что ребенок у нее абсолютно нормальный.

После нее к Элис заходит Патрик, желает дочери спокойной ночи, выключает свет. Джесс ждет в коридоре, но, закрыв дверь, он проходит мимо нее, не сказав ни слова,

и спускается вниз. Она следует за ним в кухню и останавливается в дверях, когда муж достает пиво из холодильника.

— Прости, Патрик, — говорит Джесс.

Он медленно кивает, не глядя на нее. Открыв бутылку, подносит ее к губам, надолго прикивает к ней.

— Завтра с утра я еду в Лондон, — произносит вместо ответа. — Выезжать надо рано. Лягу в гостевой комнате, чтобы не будить тебя. — И добавляет после паузы: — Я договорился о встрече с доктором Кроуфорд.

А потом без единого слова поворачивается и выходит в гостиную. Ей невыносима мысль об очередном тоскливом часе с доктором Кроуфорд — женщиной, которой на ее проблемы совершенно наплевать и которая ничего не понимает. Она вечно задает Джесс вопросы, на которые у той нет ответа. «Что заставляет вас наносить себе увечья? Чем, по-вашему, может кончиться подобное саморазрушение?» Джесс чудится скрытая угроза в этом вроде бы совершенно невинном вопросе.

Она слышит, как включается телевизор, из которого доносятся звуки футбольного матча. Патрик знает, что она терпеть не может футбол. Этим он сейчас говорит ей: «Держись от меня подальше. Я не хочу сейчас находиться рядом с тобой».

Джесс его в этом не винит. Она и сама не хочет находиться сейчас рядом с собой.

* * *

Укладывается в постель. Смотрит телевизор в их общей спальне — какой-то очередной документальный сериал про реальные преступления, — но всякие страсти на экране не настолько отвлекают ее от собственной жизни, как она надеялась. Через какое-то время Джесс слышит, как Патрик чистит зубы, а потом закрывает дверь гостевой спальни.

Она никак не может решить, надо ли пойти туда и пожелать ему доброй ночи, еще раз извиниться, а потом понимает, что не стоит. Да и что ему сказать? «Прости, и я постараюсь больше такого не делать»? Совершенно никчемные слова, особенно когда она знает, что все это совсем не так.

Джесс выключает телевизор, погрузив комнату во тьму.

Лежит, уставившись в черноту перед глазами и медленно считая про себя в такт вдохам и выдохам. В комнате дочери ни звука, Патрик в гостевой спальне тоже затих. Она медленно проваливается в сон.

* * *

Как только ночь вступает в свои права, чья-то рука приподнимает крышку щели для писем на входной двери¹. В прихожую льется некая жидкость, растекается по плиткам пола, пропитывает коврик у порога. А потом за ней следует кое-что еще — зажженная спичка.

Падает на пол, и в ту же секунду с фыркающим хлопком над полом взлетают языки пламени.

«Хэмпшир кроникл», 15 июля 1994 г.

УБИЙЦА ЖИВОТНЫХ ПО-ПРЕЖНЕМУ НА СВОБОДЕ – ЖЕСТОКО ЗАРЕЗАНЫ УЖЕ 12 КОТОВ И КОШЕК

Садист, убивающий домашних животных и предположительно лишивший жизни уже восемь котов и кошек, окончательно распоясался, изувечив при помощи ножа еще четырех на протяжении последних двух месяцев. По данным

¹ Хотя англичане упорно называют это «почтовым ящиком», как такового ящика для писем в большинстве британских домов и квартир нет — только щель в двери, нередко даже не прикрытая откидной заслонкой, и почта падает прямо на пол в прихожей.

КОПЖОЖ¹, целью преступника могли оказаться и другие домашние питомцы, учитывая тот факт, что в тот же временной период было заявлено о пропаже двух собак и четырех кроликов.

Мишель Смит, мать двоих детей, сообщила редакции, что ее отпрыски были «глубоко травмированы», когда, вернувшись домой в пятницу, обнаружили на крыльце дома своего любимого кота Стимпи, мертвого и с выпущенными наружу внутренностями. Нашим анонимным источником в полиции известны и другие случаи, когда домашних животных находили освежеванными и выпотрошенными, причем не исключено, что и живьем, хотя данные факты еще требуют подтверждения.

КОПЖОЖ и Хэмпширское управление полиции, которые объединили усилия, чтобы поймать убийцу, просят всех граждан, заметивших подозрительные действия такого рода, срочно позвонить по телефону 101².

Всем владельцам домашних животных настоятельно рекомендуется не выпускать своих питомцев из дома, пока преступник не будет задержан.

Глава 2

Окна светятся оранжево-красным — пламя пляшет за стеклами, превращая внутренность дома в полную черноту. Густой дым карабкается по стенам, протягивая к небу свои серые пальцы.

¹ КОПЖОЖ (*англ.* RSPCA, Royal Society for the Prevention of Cruelty to Animals) — Королевское общество по предотвращению жестокого обращения с животными, благотворительная организация, действующая в Англии и Уэльсе.

² 101 — «информационный» номер британской полиции, в отличие от номера экстренного вызова чрезвычайных служб 999 и действующего наряду с ним номера 112, принятого в Европе и России.

Почти беззвучно метнувшись по ковру, пламя накидывается на занавески, мебель — буквально на все на своем пути. Стекла трещат от жара, темные струйки дыма ползут вверх по лестнице, просачиваются под двери.

Проникают и ей в ноздри. Проснувшись она от собственного кашля, и от недостатка кислорода приходится натужно втягивать воздух полной грудью. Джесс открывает глаза. Вокруг практически беспросветная темень, но она видит какой-то туман, притаившийся по краям потолка. Тот парит в воздухе обманчивым призраком, густой и устрашающей. Она вновь заходится в кашле — кажется, что легкие чем-то намертво забиты.

И вдруг, прорвавшись сквозь одуряющую дремоту, сознание со щелчком включается. Джесс спрыгивает с кровати, натягивает на себя лишь старую безразмерную футболку и устремляется к двери. Дверная ручка на ней холодная, и она медленно толкает ее от себя в коридор.

Вся лестничная площадка второго этажа затянута дымом. С бешено забившимся сердцем Джесс инстинктивно падает на колени и ползет по ковру. Бросает взгляд вниз по лестнице, и ее передергивает от того, что она видит.

Входной двери не видно — вся прихожая объята пламенем. Целое море огня лижет край лестничного пролета. Треск пожара, заглушающий все остальные звуки, приводит ее в ужас. И тут она кое-что сознает. Пожарная сигнализация! Джесс поднимает взгляд сквозь серую завесу над головой, высматривая белые кругляши на потолке, которых здесь даже в избытке. Почему они не сработали? Почему не разбудили Патрика или Элис?

Мысль о родных пробуждает ее окончательно. Она вновь и вновь выкрикивает имя мужа, пока ползет по полу коридора, давясь, кашляя и ощущая за спиной жар пламени. Потянув на себя, открывает дверь комнаты дочери, врывается

внутри и трясет Элис, пытаюсь разбудить. Дым здесь еще гуще, он уже почти заполнил комнату до самого потолка. Джесс понимает, что времени у них в обрез. Но Элис не двигается, ее глаза остаются закрытыми, дыхание натужное.

Крыльцо — прямо под окном гостевой спальни, где спит Патрик. Она оглядывается назад, молясь, чтобы ее муж уже успел выбраться. Туда никак уже не попасть. Пол коридора теперь полностью охвачен красно-желтым пламенем, вздымающимся до самого потолка. Она чувствует его удушающий жар, ковер начинает плавиться у нее под коленями.

Держа дочь на руках — та по-прежнему без сознания, — Джесс пинком захлопывает дверь, лихорадочно пытаюсь сообразить, каким еще способом можно отсюда выбраться. Пригибается как можно ниже к полу и пробирается к окну.

До сада — обрыв в два этажа. Она знает, что как только откроет окно, приток кислорода еще больше взметнет пламя, и всматривается сквозь потемневшее от сажи стекло. Прямо под ними — поросшая высокой травой лужайка, но все равно. В мороз она будет твердой, как бетон.

Однако оставаться здесь почти неминуемо означает смерть для них обеих.

Теперь уже совершенно неконтролируемо кашляя, Джесс распахивает створки окна. Свежий воздух немного успокаивает легкие, но тут она слышит, как пламя у нее за спиной, взревев, резко набирает силу.

Неуклюже, по-прежнему с Элис на руках, она влезает на подоконник — ноги болтаются над бездной. Смотрит в лицо дочери. Непонятно, дышит ли Элис, и паника охватывает ее окончательно.

Смотрит вниз во тьму.

И прыгает.

Все тело сминается, когда Джесс ударяется о землю и на миг застывает в холодной траве, ухитрившись удержаться